

УДК 94.3:375

ПРИЧИНЫ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА В ГОРОДАХ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ю. А. МИКУЛЕНКО¹⁾

¹⁾Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
ул. Леваневского, 187, корп. 1, 350002, г. Краснодар, Россия

Рассматриваются причины жилищного кризиса в первое десятилетие после установления советской власти. Выделяются основные причины недостатка жилищной площади: рост численности населения в городах, отсутствие массового гражданского строительства, последствия Гражданской войны и новая жилищная политика властей на местах. Проводится анализ новой жилищной политики советской власти и ее влияния на рост дефицита жилья. В качестве фактического материала использованы документы, хранящиеся в центральных и региональных архивах.

Ключевые слова: НЭП; жилищный кризис; жилищный вопрос; новая жилищная политика.

ПРЫЧЫНЫ ЖЫЛЛЁВАГА КРЫЗІСУ Ў ГАРАДАХ У ПЕРШАЕ ДЗЕСЯЦІГОДДЗЕ ПАСЛЯ ЎСТАЛЯВАННЯ САВЕЦКАЙ УЛАДЫ

Ю. А. МИКУЛЕНАК^{1*}

^{1*}Паўночна-Каўказскі філіял Расійскага дзяржаўнага ўніверсітэта правасуддзя,
вул. Леванеўскага, 187, корп. 1, 350002, г. Краснадар, Расія

Разглядаюцца прычыны жыллёвага крызісу ў першае дзесяцігоддзе пасля ўсталявання савецкай улады. Вылучаюцца асноўныя прычыны недахопу жыллёвай плошчы: рост колькасці насельніцтва ў гарадах, адсутнасць масавага грамадзянскага будаўніцтва, наступствы Грамадзянскай вайны і новая жыллёвая палітыка ўлад на месцах. Праводзіцца аналіз новай жыллёвай палітыкі савецкай улады і яе ўплыву на рост дыфіцыту жылля. У якасці фактычнага матэрыялу выкарыстаны дакументы з цэнтральных і рэгіянальных архіваў.

Ключавыя словы: НЭП; жыллёвы крызіс; жыллёвае пытанне; новая жыллёвая палітыка.

THE CAUSES OF THE HOUSING CRISIS IN THE CITIES IN THE FIRST DECADE AFTER THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER

I. A. MIKULENOK^a

^aNorth-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice,
187 Levanevskogo Street, 1 building, Krasnodar 350002, Russia

The article examines the reasons of the housing crisis in the first decade after the establishment of Soviet power. Also attention is paid to the main reasons of the «housing hunger» such as population growth in cities, absence of the mass civil

Образец цитирования:

Микуленок Ю. А. Причины жилищного кризиса в городах в первое десятилетие после установления советской власти // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2018. № 2. С. 105–110.

For citation:

Mikulenok I. A. The causes of the housing crisis in the cities in the first decade after the establishment of Soviet power. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2018. No. 2. P. 105–110 (in Russ.).

Автор:

Юлия Андреевна Микуленок – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин факультета непрерывного образования.

Author:

Iuliia A. Mikulenok, PhD (history); lecturer at the department of general education, faculty of continuing education.
AK-bara@yandex.ru

engineering, the Civil War consequences and a new local housing policy of the government. The article analyses a new housing policy of the Soviet authorities and its influence on the «housing hunger» growth. Data from central and regional archives were used as factual material.

Key words: NEP; housing crisis; housing issue; new housing policy.

Решение жилищного вопроса, назревшего еще до революции, стало приоритетным для советской власти. Быстрый процесс урбанизации (рост городского населения за счет деревни) в первое десятилетие после установления диктатуры пролетариата проходил в условиях отсутствия массового жилищного строительства. Несмотря на то что с 1923 по 1930 г. жилищное строительство в Советской России увеличилось почти в 2 раза, этого фонда не хватало для того, чтобы обеспечить жилой площадью всех нуждающихся. В среднем на одного человека в 1926 г. приходилось от 3,7 до 6 м² при существующей минимальной санитарной норме в 8 м² [1, с. 91]. Сильнее всего недостаток жилья ощущали в двух столицах – Москве и Ленинграде – и на юге России. Так, в 1920-е гг. на душу населения в среднем приходилось 5,3 м² в Москве [2, с. 17.], 8,7 м² в Ленинграде, 4,03 м² в Новороссийске, 7,25 м² в Армавире¹, 5,41 м² в Ростове-на-Дону², 6,32 м² в Керчи [3, с. 162].

Основными причинами дефицита жилья стали отсутствие массового гражданского строительства, рост численности населения в городах, последствия гражданской войны и новая жилищная политика властей на местах.

После Октябрьской революции в городах резко увеличилась численность населения. Массовая миграция из села в город в поисках работы и лучшей жизни, особенно заметная среди молодежи, привела к перенаселению городов. Согласно данным статистики в дореволюционной России на одного человека приходилось в среднем 4,5 м² жилой площади, при этом 80 % жилого фонда составляли одноэтажные здания без удобств [4, с. 62]. Так, в Екатеринодаре (после 7 декабря 1920 г. – Краснодар) в 1920-е гг. многоэтажных зданий было меньше – 3 %. По воспоминаниям кубанских краеведов, до середины XIX в. в Екатеринодаре были только одноэтажные турлучные домики (хаты) [5, с. 43], которые стояли «в таких положениях, как будто им скомандовано “вольно, ребята”»: они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей

ее постановке» [6, с. 69]. Изначально Екатеринодар строился как казачья военная крепость. Дом казака представлял собой прямоугольник длиной 8–24 м и шириной 5–7 м. Как правило, в доме было две комнаты. В подворье находились колодец, летняя кухня, хозяйственные постройки. Только в начале XX в. в центре Екатеринодара стали появляться кирпичные многоэтажные дома [6, с. 39], поскольку одноэтажный город не мог обеспечить жильем всех нуждающихся.

Города царской России, которые не были рассчитаны на большой прирост населения, физически не способны были обеспечить жилищной нормой всех желающих. Городское население росло более быстрыми темпами, чем жилищное строительство. Так, Екатеринодар, который был рассчитан на 110–120 тыс. человек, в 1920-е гг. был перенаселен почти в пять раз³. Жилищный кризис в городе был настолько острым, что в 1918 г. беженцам без определенных занятий и профессий запрещалось в него въезжать⁴.

Жилищную ситуацию в городах усложняла разруха, вызванная Гражданской войной, а также отсутствие капитального ремонта жилых строений и варварское отношение к ним вчерашних жителей бараков (обыватель пользовался вещами бывших хозяев, уничтожал обстановку и мебель квартир). Ежегодно только Краснодар терял около 500 комнат⁵. В Ярославле было уничтожено 54,5 % жилого фонда в результате подавления белогвардейского мятежа в июле 1918 г.⁶ В целом с 1923 по 1929 г. абсолютная жилая площадь в Москве сократилась на 13 %, а в Ленинграде – на 34 %.

В первое десятилетие после установления советской власти на состояние жилищного фонда негативно влияли два фактора. Во-первых, было приостановлено жилищное строительство, во-вторых, увеличилось количество разрушенных зданий. Так, в 1913 г. в Екатеринодаре было выдано 730 разрешений на строительство, а в 1923 г. – уже 101, в 1924 г. – 291⁷. Для того, чтобы предохранить жилье от дальнейшего разрушения по всей стране, было необходимо затратить 200 – 250 млн золотых рублей [7, с. 40].

¹Гос. арх. Рост. обл. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 762. Л. 23.

²Там же. Д. 79. Л. 116.

³Гос. арх. Краснодар. края. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 59. Л. 146.

⁴Там же. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 310. Л. 19.

⁵Там же. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

⁶Федоров А. Опыт решения жилищного вопроса в советской России: справедливое распределение или всеобщая вакханалия (на материалах губернских городов Центрального промышленного района). URL: http://actualhistory.ru/quarters_in_sov_russia (дата обращения: 20.08.2017).

⁷Гос. арх. Краснодар. края. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 101. Л. 51.

Отсутствовал в городах и капитальный ремонт зданий, что приводило к разрушению жилищного фонда. Согласно жилищному законодательству ремонт были обязаны производить сами жильцы. За бесхозяйственное или хищническое управление домами жильцы несли гражданскую и уголовную ответственность [8, с. 457]. Так, гражданка О. Г. Снегерова была осуждена по ст. 111 Уголовного кодекса СССР (бездействие власти). В домах, которыми управляла О. Г. Снегерова, практически не производился ремонт: заборы не были окрашены, фасады и крыши не ремонтировались⁸. Кроме того, почти все прифронтовые районы были перегружены воинскими частями, которые расквартировывались в срочном порядке, не считаясь с жилищной ситуацией в регионе⁹.

В период Гражданской войны в городах выросла квартирная спекуляция. Хозяева сдавали комнаты за «вольные деньги», часто цены завышались в десять раз [9, с. 4]. Как правило, этот жилищный фонд был доступен только для интеллигенции и «бывших» (граждане Советской России, потерявшие социальный статус и попавшие в категорию лишенцев). Комната в демуниципализированном домовладении сдавалась минимум за 10 руб., а в муниципализированном плата за 1 м² составляла 20 коп.¹⁰ С 1926 г. была введена дифференцированная оплата квадратных метров. Квартирная плата для лиц, живших на нетрудовые доходы, была установлена от 35 коп. до 4 руб. за 1 м² в месяц, лица свободных профессий платили от 24 коп. до 1 руб. 10 коп., кустари и ремесленники – от 16 коп. до 1 руб. 70 коп., рабочие и служащие – от 1,5 до 40 коп.¹¹ Однако этой платы не хватало для того, чтобы покрывать минимальный капитальный ремонт.

Жилищный кризис был вызван и незначительной численностью гражданского строительства. Так, жилищный фонд в дореволюционном Петрограде в основном был представлен доходными домами, которые в то время ценились дороже золотых рудников. Несмотря на значительный рост городского населения, многие жители столицы были вынуждены снимать жилье [10, с. 9]. В Москве квартиро-съемщики составляли более 20 % населения города. Екатеринодарская городская дума в течение 30 лет, с 1895 по 1925 г., не могла найти места под частную застройку¹². В результате и без того скудный фонд

начали уничтожать новоселы: сбивалась лепнина на потолках и паркет на полу, барские кухни, ванные комнаты, коридоры превращались в жилые помещения [11, с. 182], ломались хозяйственные постройки.

Советская власть в целях уменьшения жилищного кризиса приняла решение перейти к новой жилищной политике, которая выражалась в кампаниях национализации жилых зданий и реализации уплотнения, создании жилищно-арендных кооперативных товариществ (ЖАКТ), регулировании жилой нормы и дифференцировке квартирной платы. Весь муниципализированный фонд был передан ЖАКТам, которые, в свою очередь, самостоятельно и в зависимости от жилищной ситуации в том или ином регионе распределяли квадратные метры между членами. В конце 1920-х гг. ЖАКТам было передано более 20 млн м² жилой площади. На долю Ленинграда приходилось 79,4 % всей муниципализированной площади, Ростова-на-Дону – 63 %, Краснодара – 60 %, Самары – 47,2 %, Москвы – 50 % [12].

С 1923 г. появились первые жилищные строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ). Они ведали строительством новых и восстановлением разрушенных зданий. Распределялись ЖСКТ по Советской России неравномерно: большинство товариществ оказалось сосредоточено в Москве и Ленинграде. За год было построено 2600 кооперативных домов¹³.

Согласно жилищному законодательству СССР выселение «бывших» могло производиться только по судебному решению и с предоставлением нового места жительства. Уплотнение не могло превышать минимальную санитарную норму в 8–10 м², не считая темных комнат, неотапливаемых помещений, коридоров, кухонь и проходных комнат. Однако это правило часто нарушалось. Так, инженер Госспирта Ю. М. Модейский был вынужден делить комнату в 8,5 м² с Г. В. Вольным¹⁴. Профессор К. Ю. Мухин вместе с семьей занимал комнату, в которой протекал потолок¹⁵. Выселению также подлежали лица халатно и хищнически относившиеся к жилью, если это влекло за собой разрушение последнего. Выселить могли и за неуплату коммунальных платежей, отсутствие владельца в течение трех месяцев¹⁶. В период с 22 по 24 марта 1921 г. было освобождено 2400 комнат¹⁷ [24, с. 463].

⁸Центр документации новейшей истории Краснодар. края (ЦДНИКК). Ф. 797. Оп. 1. Д. 243. Л. 8.

⁹Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

¹⁰Центр документации новейшей истории Рост. обл. (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 281. Л. 19.

¹¹Там же. Л. 224.

¹²Гос. арх. Краснодар. края. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

¹³Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. А-7790. Оп. 3. Д. 8. Л. 30.

¹⁴Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 158. Оп. 1. Д. 67. Л. 109.

¹⁵ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 7. Л. 140.

¹⁶Совет народных комиссаров РСФСР. Декрет от 27 апреля 1922 г. о невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libusser.ru> (дата обращения: 26.11.2012).

¹⁷Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях : материалы к летописи / ред.-сост. И. Ю. Бондарь. Краснодар : Краснодар. книжн. изд-во, 1993.

Уплотнению подвергались только муниципализированные домовладения. При этом гражданам давался двухнедельный срок для поиска сожителей [8, с. 239]. Приоритет для заселения отдавался военным служащим и приезжим партийным сотрудникам. Во вторую очередь заселялись рабочие и советские служащие, в третью – остальные граждане. Неквалифицированные рабочие заселяли не только жилые помещения, но и котельные, склады, заброшенные магазины, списанные вагоны, конюшни, гаражи [2, с. 186], бараки при заводах и фабриках и малопригодные для жилья комнаты. В целом только 15 % рабочих имели жилую площадь соответствующую санитарным нормам. Согласно анкетам А. Г. Кагана 52 % из всех опрошенных респондентов не было удовлетворено жилищными условиями, они жаловались на шум, отсутствие мебели, тесноту: «Где я живу, очень тесно, ни отдыха, ни занятий, ничего не могу делать <...> Живу на кухне <...> шумно, недостаточно мебели и света», – сообщали респонденты [13, с. 18].

В средствах массовой информации позиционировался особый статус рабочих и бывших красноармейцев. Однако именно эта группа населения сильнее всего испытывала дефицит жилья. Обследования комиссии по улучшению быта рабочих неоднократно выявляли антисанитарные условия в домах и общежитиях. В актах отмечалось отсутствие элементарных предметов обихода. Часто отсутствовали кровати, и рабочие были вынуждены спать на полу¹⁸.

Кампания ущемления, несмотря на сильный жилищный кризис, проходила медленными темпами. В 1920 г. в ряде богатейших южных городов (Одесса, Ростов, Харьков, Баку) данная деятельность либо не была начата вовсе, либо шла крайне медленно. «Бывшие» по-прежнему находились в более комфортных условиях¹⁹, чем городские обыватели, которые еще вчера сражались за революцию. Во многом это было связано с неудовлетворительной работой квартирно-распорядительного аппарата²⁰.

Дифференцированное распределение квадратных метров привело к неравномерному рассредоточению жилья, самая маленькая жилищная норма была у рабочего класса. Это вызывало негодование, обиду и чувство несправедливости: «Когда всюду видишь не нормальность справедливость одна часть коммунистов живет в свое удовольствие, а другая часть в особенности рабочих с голоду наживает и туберкулез лехких и тифф и ревмотизм и все воз-

можныя блезни и неимея даже переменить сарочку чтобы [н]е грызли тебя как голодные волки парозиты. И тут же ты не смотря на свою нужду и голод и холод и тебе же преходится от голода и смерти спасат других голодных братьев в тоже время подвергать самого себя и свою семью на голодную смерть это ненормально. Тыкая политека щетая в корне не правельная, и лозунги нашей партии равенство и братство так и остоются лозунгами и только на бумаге писаными черным по белому и только»²¹.

Итогом дифференцированного распределения квадратных метров стало неравномерное разделение жилой площади среди городского населения. Если в Ростове-на-Дону разница ощущалась не сильно, то в Новороссийске чувствовались более резкие колебания: в одном доме 3 м² мог занимать один человек, 25 м² – другой²². Здравомыслящий обыватель не был готов адекватно воспринимать советскую действительность, его не интересовал вопрос экономического развития и благополучия жилищных товариществ. Человек хотел получить то, что, по его мнению, должно ему принадлежать. Нежелание адаптироваться к реальности порождало конфликты не только между жильцами одного дома, но и между обывателем и властью.

Не обошлась политика муниципализации и без злоупотреблений и перегибов: нередко ущемлению подвергались и представители трудового класса или красноармейцы. Например, житель Смоленска жаловался на ошибочную муниципализацию: «Настоящим заявляю на неправильное действие Сов[етской] Власти т[о] [есть] Жилищного Отдела гор[ода] Петрограда, который летом прошлого года реквизирует мои и моего родственника Дмитрия Федоровича Парфенко вещи.

Означенный товарищ Парфенко был квартиро-хозяином квартиры, где также и мои вещи хранились.

Такую реквизицию мы считаем вопиющей несправедливостью.

У людей, которые служат в рядах Кр[асной] Армии – мой родственник только недавно был демобилизован по годам, – проведя все время на Польском фронте» [14, с. 251].

Работницу М. Ф. Саврасову принудительно выселяли из занимаемой ею квартиры, хотя она имела карточку А с наложенной визой «выселению не подлежит»²³. Двум семьям рабочих из Краснодара было отказано в выдаче ордера, чтобы вселить помощника прокурора Елагина²⁴.

¹⁸ГАРФ. Ф. Р-1251. Оп. 1. Д. 4. Л. 171.

¹⁹ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²⁰Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

²¹Там же. Ф. 425. Оп. 1. Д. 17. Л. 3. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением речевых особенностей оригинала. – М. Ю.)

²²Гос. арх. Рост. обл. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 762. Л. 23 об.

²³ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 164. Л. 8.

²⁴Гос. арх. Краснодар. края. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

Нередко жилые помещения переводили в нежилые и размещали в них советские учреждения. Так, жилой дом, расположенный по ул. Петровка 17 в Китай-городе, был превращен в общежитие для слушателей Социалистической академии общественных наук, при этом 520 жильцов подлежали выселению²⁵.

В 1920-е гг. наступил период острого жилищного кризиса, затронувшего всю территорию Советской

России. В целом по стране только 13,5 % рабочих имели жилищные условия отвечающие элементарным санитарным нормам. Особенно остро недостаток жилой площади ощущали две столицы и юг страны. Основными причинами такого кризиса были последствия Гражданской войны, новая жилищная политика, рост урбанизации и естественное разрушение жилого фонда.

Библиографические ссылки

1. *Коньшева Е. В.* Восприятие европейского опыта в городском планировании и строительстве в советской России 1920-х – 1930-х годов: этапы и формы // *Вестн. Перм. ун-та.* 2014. Вып. 2. С. 90–100.
2. *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : Рос. полит. энциклопедия : Фонд перв. президента Рос. Б. Н. Ельцина, 2008.
3. *Махова З. П.* Из истории быта многонациональной Керчи 30-х годов XX века // *Истор. наследие Крыма.* 2009. № 24. С. 162–166.
4. *Хлынина Т. П.* Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. // *Был. годы.* 2013. № 1. С. 61–70.
5. *Град Екатерины / авт.–сост. Н. А. Корсакова [и др.].* Краснодар : Традиция, 2013.
6. *Илюхин С. Р., Стрижова Н. А., Халимова Л. А.* Виды Екатеринодара. Иллюстрированная история города и его. Краснодар : Лаконт, 2008.
7. *Кожаный Е.* Борьба за новое жилище и за новый быт // *Коммунистка.* 1925. № 5. С. 40.
8. *Жилищное законодательство: сборник декретов, распоряжений и инструкций с комментариями / сост. Д. И. Шейнис.* 3-е изд., доп. и перераб. М. : Изд-во Глав. упр. коммунал. хоз., 1926.
9. *Предельные нормы оплаты комнат* // *Великая Россия.* 1919. № 115. С. 4.
10. *Рожков А. Ю., Микуленок Ю. А.* «Жилищный передел» как способ решения «квартирного вопроса» в Краснодаре в 1920-е годы (к постановке проблемы) // *Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. XXIII Адлерские чтения : материалы Междунар. науч.-просветител. конф. (Краснодар, 24–28 мая 2013 г.).* Краснодар, 2013. С. 222–225.
11. *Аксенова Л.* Круче золотого рудника. Жизнь питерского доходного дома // *Родина.* 2006. № 8. С. 96–97.
12. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. Санкт-Петербург : Нева, 1999.
13. *Каган А. Г.* Молодежь после гудка. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1930.
14. *Письма во власть. 1917–1927: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям.* М. : Росспэн, 1998.

References

1. *Konyshcheva E. V.* Adoption of the european experience in urban planning and construction in the soviet Russia in the 1920–1930s: Phases and forms. *Vestn. Perm. un-ta* [Bull. Perm. Univ.]. 2014. No. 2. P. 90–100 (in Russ.).
2. *Meerovich M. G.* Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody) [Punishment by dwelling: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow : Ros. polit. Entsiklopediya : Fond perv. prezidenta Ros. B. N. El'tsina, 2008 (in Russ.).
3. *Makhova Z. P.* [From the history of the life of the multinational Kerch of the 30s of the XX century]. *Istorich. nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea]. 2009. No. 24. P. 162–166 (in Russ.).
4. *Khlinina T. P.* [Residential space and features of its organization in Soviet Russia in 1920–1940s.]. *Bylye gody* [Former years]. 2013. No. 1. P. 61–70 (in Russ.).
5. *Korsakov O. N., Ustinov B. N. (compil.)* Grad Ekateriny [The City of Catherine]. Krasnodar : Traditsiya, 2013 (in Russ.).
6. *Ilyukhin S. R., Strizhova N. A., Halimova L. A.* Vidy Ekaterinodara. Illyustrirovannaya istoriya goroda i ego [Types of Ekaterinodar. Illustrated history of the city and its prospects]. Krasnodar : Lakont, 2008 (in Russ.).
7. *Kozhany E.* [Struggle for a new home and a new life]. *Kommunistka* [Communistics]. 1925. No. 5. P. 40 (in Russ.).
8. *Sheinis D. I.* Zhilishchnoe zakonodatel'stvo: sbornik dekretov, rasporyazhenii i instruktsii s kommentariyami [Housing legislation: collection of decrees, orders and instructions with comments]. Moscow : Publ. house of Main department of municipal services, 1926 (in Russ.).
9. [The ceiling rate of payment for rooms]. *Velikaya Rossiya* [Great Russia]. 1919. No. 115. P. 4 (in Russ.).
10. *Rozhkov A. Y., Mikulenok Y. A.* [«Housing redistribution» as a way to solve the «housing issue» in Krasnodar in the 1920s (to the formulation of the problem)]. *Problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti.*

²⁵ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 6. Л. 136 об.

K 70-letiyu bitvy za Kavkaz v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. XXIII Adlerskie chteniya [Problems of the National Security of Russia: Lessons of History and Challenges of Modernity. To the 70th anniversary of the battle for the Caucasus during the Great Patriotic War. XXIII Adler Readings] : mater. Int. sci. educ. conf. (Krasnodar, 24–28 May, 2013). Krasnodar, 2013. P. 222–225 (in Russ.).

11. Aksenova L. [Kruche of the gold mine. The life of the Petersburg apartment house]. *Rodina* [Homeland]. 2006. No. 8. P. 96–97 (in Russ.).

12. Lebina N. B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody* [The daily life of the Soviet city: norms and anomalies. 1920–1930]. Saint Petersburg : Neva, 1999 (in Russ.).

13. Kagan A. G. *Molodezh' posle gudka* [Youth after the dial tone]. Moscow ; Leningrad : Molodaya gvardiya, 1930 (in Russ.).

14. *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927: zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to power. 1917–1927: statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Moscow : ROSSPEN, 1998 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 03.01.2018.
Received by editorial board 03.01.2018.